

тесанні берести і дерева.

Таким чином, експериментальні реконструкції по виготовленню ножів VII-IX ст. підтвердили ряд положень щодо процесу виготовлення і функціонального використання ножів і, водночас, дали можливість уточнити технологію та сферу використання окремих типів.

Посилання

1. Аристов Н.Я. Промышленность древней Руси / Я.Н. Аристов. – СПб.: [б. и.], 1866. – 321 с.
2. Виргинский В.С. Очерки истории науки и техники с древнейших времен до середины XV века / В.С. Виргинский, В.Ф. Хотеевков. – М.: Просвещение, 2006. – 287 с.
3. Попов Б. Ножи Древней Руси / Б. Попов // Клинок. – 2005. – № 2. – С. 71-74.
4. Забелин И.Е. О металлургическом производстве в России до конца XVII в. / И.Е. Забелин. – СПб.: ЗРАО, 1853. – Т. 5 – 136 с.
5. Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период) / Б. А. Колчин. – М.: АН СССР, 1953. – 257 с.
6. Лауданский А.Н. Поликарпович К.М. Славянские древности. – М.: Наука, 1977. – 143 с.
7. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси / Б.А. Рыбаков. АН СССР, Отделение истории. Институт археологии. – М.: Наука, 1987. – 782 с.
8. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси / Б.А. Рыбаков [ответств. ред. Б.Д. Греков, АН СССР]. – М.: АН СССР, 1948. – 791 с.
9. Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. / И.П. Русанова. – М.: Наука, 1976. – 177 с.
10. Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии / В.И. Сизов. Императорская археологическая комиссия. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов. – 57 с.
11. Толочко П.П. Давня історія України / П.П. Толочко. – К.: Либідь, 1995. – Т. 2. – 289 с.

Коба А.А. Экспериментальная реконструкция технологии изготовления ножей VII-IX ст.

В работе рассматривается вопрос актуальности исследования металлургии восточных славян VII-IX ст. Тематикой изучения выбран реконструкция ножей. Проводится анализ технологической базы. Дается основная характеристика ножам в быту и на основании существующих типологий IX-XIII ст. делается попытка создания классификации для ножей VII-IX ст. восточных славян. Проводится реконструкция по указанной типологии.

Ключевые слова: восточные славяне, цельнокованные ножи, засапожные ножи, крица, шамот.

Koba O.O. Experimental reconstruction of the technology of knives VII-IX century

This paper discusses the relevance of the study of metallurgy of the Eastern Slavs VII-IX century. The reconstruction of knives was selected as the theme of the study. The analysis of the technological base is taking place. We give a basic characteristic of the knives in usual life and there is an attempt to create a classification of the knives of the Eastern Slavs VII-IX century on the basis of the existing typologies of IX-XIII century. The reconstruction is carried out in the specified typology.

Key words: the Eastern Slavs, monolithic knives, fight knives, smelted bog ore, charcoal.

20.01.2012 р.

УДК 902.2 «08/09»

Л.И. Красильникова
К.И. Красильников

СЕМЬЯ ПРАБОЛГАР В СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЕ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ IX – X ВВ.

Праболгары в IX – X веках находились в состоянии оседлости. Данные по реконструкции семьи сельских общин получены в результате раскопок селищ, на которых раскрыто 120 построек, из них – 54 жилища различной конструкции и площади. По размерам жилищ, интерьеру, эколого-бытовым нормам, другим свидетельствам определяются составы семей в пределах 6-9 человек.

«Экономический» потенциал семей, их статус в общине изучены по комплексам хозяйственно-бытового, промышленного назначения. По ним определены индивидуальные и коллективные хозяйственные структуры в системах закрытых комплексов, дворов, подворий, амбаров, гончарных мастерских.

Ключевые слова: жилища, семья, хозяйственные комплексы, сельская община.

Вопрос о формах семьи у прабогар VIII – начала X вв. имеет значение уже хотя бы потому, что их племена, отошедшие от кочевнического уклада, в этот период переходят к оседлости [12, 110-125], принципиально меняя прежние хозяйственные, социально-семейные структуры, вызванные появлением земледелия, ремесленных отраслей, промыслов, с последующим возникновением индивидуальной собственности. Как следствие внутри селищ происходит процесс формирования хозяйственных структур – дворов, подворий семейного статуса [1, 186-192]. Не вызывает сомнения, что общество прабогар находилось в состоянии сельской общины, ячейкой которой была семья. В этнографической терминологии семьи раннего средневековья различают двух типов: первый тип – простые нуклеарные семьи, второй тип – семьи расширенные, сложные, многолинейные [7, 27-28]. Эта типология приемлема и для южных массивов Восточной Европы, но в особенности к Северо-Кавказскому региону, где схема перехода от большой семьи к малой и наоборот знает множество примеров [22, 78-83]. Ретроспективу этого процесса можно наблюдать и по отношению к истории народов, отошедших от кочевого уклада, на примере одной из групп археологических источников – построек [15, 7-13]. Информацию для реконструкции семьи у прабогар степей Подонцовья в раннем средневековье нам дают, прежде всего, поселения, на которых раскрыто 120 построек, 54 из которых являются жилищами различных типов и конструктивных видов. Подробней остановимся на их характеристике.

Жилища – один из основных компонентов материальной культуры, отражающий сложность пройденного народом пути. Они в первую очередь реагируют на изменения баланса хозяйственной

деятельности, социальные перемены, степень оседлости, этнические включения.

Известно, что важнейшей функцией жилищ является адаптация социума к условиям окружающей среды. Регион нашего исследования – Подонцовье относится к степной зоне. Его климатические характеристики с температурными колебаниями зимы и лета в среднем $35-40^{\circ}$ до $60-65^{\circ}$ в сочетании со степными ветрами, предъявляют дополнительные требования к конструкциям и обогревательным приспособлениям, необходимым для нормального пребывания в жилищах.

По углубленности все постройки степного Подонцовья классифицируются на *наземные* – их до 11 %, *полуземлянки* – 74 %, *землянки* – 15 %. Таким образом, в этой зоне в раннем средневековье мы наблюдаем сочетание трех строительных конструкций – *наземной, полуземляночной и сильно углубленной*. Этнический образ населения Среднедонечья в салтовское время связан с праболгарами, однако здесь же выявлены включения других этносов [14, 302-322].

Первостепенное значение для определения праболгарской семьи имеют демографические расчеты для жилого помещения с учетом их размеров [15, 8; 15, 323-332]. В зависимости от площади выделяются три вида жилых построек: жилища малых размеров с площадью до 15 м^2 , средних размеров с площадью до 30 м^2 и больших размеров, с площадью до $45-50 \text{ м}^2$. Последние выглядят как комплексы, состоящие из 2-3 строений. Следовательно, различия в площади жилищ колеблются в пределах от 10 до 30 м^2 . Разноразмерность жилых построек, по мнению М.Ю. Брайчевского, объясняется социальными факторами. Малые по площади дома считаются местом обитания индивидуальных семей, а большие – проживанием патриархальных семей [6, 34]. Однако, у М.Ю. Брайчевского различия дистанцированы десятикратным значением, то есть малые индивидуальные дома имели площадь $10-12 \text{ м}^2$, а большие дома патриархальных семей – $100-120 \text{ м}^2$, что для селищ степного Подонцовья совершенно не характерно. Здесь разность соотношения больших и малых жилищ менее значимая и не превосходит показатель 1:4, поэтому относительно степных салтовских обществ вряд ли применимо понятие крупносемейный патриархальный уклад типа общества антов. Наша позиция по вопросу социума степного населения ближе к взглядам В.Д. Белецкого, который считает, что на салтовских поселениях проживали семейные коллективы, насчитывающие в среднем 10 человек [4, 42-43, 47]. Мы, в свою очередь, намерены уточнить данные о количестве членов семьи, с учетом площадей здешних жилищ, естественно ссылаясь на аналогии. Исследователи неоднократно предпринимали попытки определить размер площади, необходимой на одного человека в

жилище, то есть как бы установить нормы-лимиты. Например, В.М. Массон отмечает, что площади жилищ древних земледельцев с их малыми семьями составляют $15-30 \text{ м}^2$ [17, 113, 119]. Площади раскопанных салтовских построек степного и лесостепного Подонцовья соответствуют таким же размерам. Примерно такими же площадями характеризуется большинство трипольских жилищ. Е.К. Черныш обозначает их как места пребывания малых семей. В тех случаях, когда большие жилища разделены перегородками на отдельные секции, площадь каждой секции также около 30 м^2 . Здесь вероятно можно говорить о сосуществовании нескольких нуклеарных семей, образующих большую семью [23, 234]. Жилища черняховской культуры V – VII ст. с площадью от 8 до 18 м^2 , одной печью несомненно принадлежат малым семьям [24, 185]. А.Н. Москаленко также считает, что жилая площадь в $10-28 \text{ м}^2$ в боршевской культуре донских славян являлась местом проживания самостоятельной хозяйственной единицы с комплексом других строений и вполне могла удовлетворять потребности одной небольшой семьи [18, 97]. Следовательно, основной социальной ячейкой славян в раннем средневековье была малая семья [21, 244; 16, 114], но вопрос о том, из какого количества особей она состояла и, естественно, сколько популяций проживало в жилище, не являлся предметом обобщений. В этой связи мы возвращаемся к теме допустимых лимитов площади на одного человека. Ссылаясь на этнографические данные различных степных и лесостепных культур, отмечаем, что численность популяции, проживающей в жилище, определяется в диапазоне от $1,9 \text{ м}^2$ до $4,5 \text{ м}^2$ на одного человека. В первом случае ($1,9 \text{ м}^2$) речь идет об азиатских кочевниках, обитавших в юртах площадью $12-13 \text{ м}^2$, где пребывала семья 5-6 человек. Во втором случае ($4,5 \text{ м}^2$) использованы археологические свидетельства оседлых племен лесостепной части Восточной Европы, в том числе ее глубокой древности [5, 9-14].

Как же соотносятся «лимиты» с площадью салтовских жилищ Подонцовья? Анализ построек праболгарских селищ показывает, что площади жилых построек здесь колеблются в пределах от 12 до 40 м^2 . Средняя величина площади жилищ поселений определяется следующим образом: на Рогалике – $27-28 \text{ м}^2$, Новолимаревка – $23-24 \text{ м}^2$, Вергулевка – $16-18 \text{ м}^2$, в Давыдо-Никольском – $20-21 \text{ м}^2$. Заметим, что эти данные несколько выше средних показателей площадей жилых построек из лесостепного аланского варианта салтовской культуры, составляя там от 12 до 27 м^2 , в среднем $18-19 \text{ м}^2$ [2, 70-72]. Тем не менее, Г.Е. Афанасьев относит их к среде обитания «больших семей» [3, 77-79]. Ссылаясь на аналогии памятников иных вариантов салтовской и других археологических

культур, возможные лимиты площади на одного человека обозначены 1/6 части постройки, что близко к реальности. Следовательно, к примеру, в разных по площади жилищах Рогалика находилось разное количество человек: по 3-4 в малых, 5-6 в средних и 7-9 в больших. Средняя величина семьи составляла 6-7 человек или от 4 до 5 м² площади на одного человека. Это заметно просторнее в сравнении с юртовидными постройками кочевников, когда на пространстве 12-13 м² проживала семья численностью 5-6 человек [3, 66-67].

Площади построек Подгаевки и Давыдо-Никольского на 5-8 м² меньше Рогалика (средняя площадь их построек не выходит за пределы 20 м²). В каждом жилище этих селищ находилось по 4-5 человек.

Несколько выше показатель количества жителей (6-7 человек) в постройках на сел. Новолимаревка. Как видим, площадь салтовских жилых построек свидетельствует о том, что в них обитали нуклеарные семьи и они соответствуют историческому типу семейных структур, которые принято называть малыми экономически самостоятельными семьями.

Существуют и другие подходы к определению численности семьи, как и демографических данных народонаселения. В частности, для нас интересны выводы, к которым пришел А.Г. Вишневецкий, исследуя демографию семей в их исторической перспективе [8; 9]. Он считает, что среднее число рождений в расчете на одну женщину в раннем средневековье колебалось в пределах 5-6 детей. Но при условии большой детской смертности, составляющей порой до 25-30 %, о чем свидетельствуют праболгарские могильники Подонцовья [13, 35, табл. 2], эти цифры существенно корректируются, так как семье удавалось вырастить не более 2-4 детей [8, 32]. Отсюда следует, что нуклеарная семья могла насчитывать 4-6 человек (2 родителя и 2-4 ребенка).

Следует принять во внимание коэффициенты соотношения объемов кухонной посуды с количеством едоков. Обмеры форм показывают, что средний объем кухонных горшков, предназначенных для приготовления пищи, колеблется от 3 до 5 л, что позволяет накормить из одного такого сосуда одновременно 5-7 человек.

Объективную информацию о составе семьи дает интерьер жилищ: очаги, печи, лежанки – места одновременного отдыха всех членов семьи. Их обычно устраивали вдоль коротких, дальних от входа стен построек в виде останцевых площадок, занимая площадь 1/3-1/4 части жилища. Однако, не исключен вариант мест для отдыха на настилах из дерева. Об этом устройстве свидетельствуют столбовые ямы [15, 9-10].

«Экономический» потенциал семей, а следовательно их статус в системе сельских общин

селищ, определяем наборами строений, связанных с хозяйственной деятельностью конкретных ячеек существующего социума. Она представлена четырьмя структурами, в которые помимо жилищ включены постройки и сооружения различного назначения: кухни, хлева, стойла, хозяйственные ямы, производственные помещения, в основном связанные с гончарством, иногда другими промыслами и т.д. Их сочетание определяет индивидуальный хозяйственный потенциал семей, сосредоточенный, в одном случае, в закрытом пространстве на площади 20-30 м² и более сложном комплексе 40-50 м², во втором – во дворах с площадью до 200 м², в третьем – обширных подворьях до 400 м².

В хозяйственном укладе населения степного Подонцовья наряду с индивидуально-семейной структурой существуют комплексы коллективного статуса. Они касаются двух хозяйственных областей – зернопроизводства и гончарства. Традиционно в условиях индивидуального хозяйства зерно хранили «на дому», но здесь же раскрыта система амбарного, как бы коллективного складирования зерновых культур. Нами изучено четыре амбара. Тоннажность отдельных из них позволяет хранить до 25-30 тонн. Отметим, что видимо не на каждом поселении находились строения амбарного назначения. Из пяти рассматриваемых селищ они пока обнаружены на двух. Оба поселения отличаются размерами в пределах 170-180 тыс. м². Возможно, в амбарах-хранилищах сосредотачивали зерно, предназначенное для поставок в качестве дани хазарам [19, 52-53].

Гончарство было налажено как в индивидуальных дворовых системах, так и в отдельно обустроенных вне жилой части поселений производственных хуторах [10, 267-277; 11, 60-69; 20, 92-139].

Итак, на поселениях, в основном селищах, проживали небольшие салтовские семьи, насчитывающие 4-7 человек. Каждая семья являлась самостоятельной хозяйственной единицей, так как часто возле жилища располагались хозяйственные пристройки, ямы, погреб, даже малые ремесленные мастерские – то есть комплекс строений, с помощью которых обеспечивались хозяйственные потребности семьи.

Ссылки

1. Апареева Е.К., Красильников К.И. Подворья как признак хозяйственного уклада населения салтово-маяцкой культуры // Археология і давня історія. – Вип. 5. – К., 2011. – С. 186 – 192.
2. Афанасьев Г.Е. Большая семья алан // СА. – 1984. – № 3. – С. 70-72.
3. Афанасьев Г.Е. Донские аланы. – М., 1993. – С. 66-79.
4. Белецкий В.Д. Жилища Саркела – Белой Вежи // МИА. – Т.П. – Л., 1959. – № 75. – С. 42-47.
5. Бибииков С.Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // СА. – 1969 – № 4. – С. 9-14.
6. Брайчевський М.Ю. Антський період в історії східних

слов'янин // Археологія. – Т. VII. – 1952. – С. 34.

7. Бромлей Ю.В., Кашуба М.С. Историко-этнографической характеристике современной семьи у народов Югославии // СЭ. – 1981. – № 1. – С. 27-28.

8. Вишневикий А.Г. Число детей в семье в исторической перспективе // Всесоюз. симпозиум по демограф. проб. семьи. – Ереван, 1975 – Вып. III. – С. 32.

9. Вишневикий А.Г. Воспроизводство населения и общество. – М., 1982. – 287 с.

10. Красильников К.И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. – 1976. – № 3. – С. 267-277.

11. Красильников К.И. Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце // КСИА. – 1980. – Вып. 160. – С. 60-69.

12. Красильников К.И. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья // СА. – 1981. – № 4. – С. 110-125.

13. Красильников К.И. О некоторых вопросах погребального обряда праболгар среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990. – С. 35.

14. Красильников К.И. Новые данные об этническом составе населения Степного Подонцовья // Степи Европы в эпоху средневековья: Тр. По археологии. – Т. 2. – Донецк, 2001. – С. 303-322.

15. Красильников Л.И. Конструктивные признаки жилых построек и их типология на поселениях степного Среднедонечья VIII – нач. X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т.2. – Донецк, 2001. – С. 323 – 332; Её же. Будівлі салтово-маяцкої культури степового Наддніпров'я // Автореф. дис. канд. іст. наук. – К., 2005. – С. 7-10.

16. Кузнецов В.А. Алания в X – XIII вв. – Орджоникидзе, 1971. – 114 с.

17. Массон В.М. Экономический и социальный строй древних обществ. – Л., 1976. – С. 119.

18. Москаленко А.Н. Славяне на Дону. Боршевская культура. – Воронеж, 1981. – 97 с.

19. Петрухин В.Я. Славянские данники хазар. К истории Восточной Европы в IX веке // Древности эпохи средневековья Евразийской лесостепи. – Воронеж, 2008. – С. 52-53.

20. Плетнёва С.А., Красильников К.И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. – М., 1990. – С. 92-139.

21. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР в 20 томах. – М., 1982. – 244 с.

22. Смирнова Я.С. Формы семьи у народов Северного Кавказа в XIX – нач. XX вв. // СЭ. – 1981. – № 1. – С. 78-83.

23. Черныш Е.К. Энеолит правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР. Археология СССР в 20 томах. – М., 1982. – 234 с.

24. Щапов Я.И. Большая и малая семья на Руси в VIII – XIII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. – К., 1972. – 185 с.

Красильникова Л.И., Красильников К.И. Сім'я праболгарів у сільській общині салтівської культури IX – X ст.

Праболгари у IX – X ст. знаходилися у стані осілости. Дані про реконструкції сім'ї сільських общин отримані в результаті розкопок селищ, на яких розкрито 120 будівель, з них – 54 житла різної конструкції та площі. За розмірами жител, інтер'єру, еколого-побутовими нормами, іншими свідченнями визначається склад сім'ї у межах 6-9 осіб.

«Економічний» потенціал сімей, їхній статут в общині вивчені за комплексами господарчо-побутового, промислового призначення. За ними визначені особисті та колективні господарчі структури в системах закритих комплексів, дворів, подвір'їв, комор, гончарних майстерень.

Ключові слова: житла, сім'я, господарчі комплекси, сільська община.

Krasilnikova L.I., Krasilnikov K.I. The Family of Proto Bulgarians in Rural Communities of Saltov Culture in the IX – X centuries

Proto Bulgarians in the IX – X lived in settlements. The data about reconstruction of the family in rural communities was gained from excavations of the settlements where 120 buildings were discovered, 54 of them – dwellings of various design and area. By size, interior, environmental and utility standards, and other evidences the structure of the family was distinguished within the limits of 6-9 people.

«Economic» potential of families, their status in the community were learned by the complexes of economic and household, craft purpose. According to them the individual and collective economic structures in the systems of closed complexes, farms, backyards, warehouses, potteries were distinguished.

Key words: dwelling, family, economic complex, rural community.

05.03.2012 г.

УДК 903.2

В.М. Скороход

ДО ПИТАННЯ ПРО КОНСТРУКТИВНІ ОСОБЛИВОСТІ ЖИТЛА СЕРЕДИНИ X СТ. НА ПОСАДІ ВИПОВЗІВСЬКОГО ГОРОДИЩА

У статті подаються нові археологічні дослідження на посаді Виповзівського археологічного комплексу у 2011 р. На основі аналізу решток давньоруського житла середини X ст. зі збереженими дерев'яними конструкціями запропонована його реконструкція.

Ключові слова: Виповзів, городище, посад, житло.

Виповзівський археологічний комплекс розташований між селами Виповзів і Лутава Козелецького району Чернігівської області, за 800 м від південної околиці с. Лутава, на південно-західній околиці с. Виповзів. Комплекс займає вузький мис, що на 600 м врізається у східному напрямку в заплаву р. Десна і омивається з південного боку р. Кримка (права притока Десни). На стрілці мису знаходилося невелике городище, розмірами 70 x 90 м. На захід від городища розташований посад, що займає решту мису, до самого його початку (площею близько 15 га) [3, 70-72; 4, 3-7].

У сезоні 2011 р. вибір ділянки робіт на посаді зумовили 2 грабіжницькі шурфи, виявлені восени 2010 р. за 160 м західніше городища, ближче до південного схилу тераси [4, 34]. В шурфах простежувалися залишки горілої деревини від конструкцій споруди, тому тут був розбитий розкоп № 3 площею 60 м². Потужність культурного шару у цій частині посаду сягає 0,6-0,7 м. У розкопі досліджено 4 житла, 3 господарські споруди та 3 ями, що датуються кінцем IX – серединою X ст. (Рис. 3).

Унікальним об'єктом під час досліджень стала споруда № 1, що являла житло-напівземлянку зі